

На правах рукописи

Ковылин Сергей Васильевич

**ОТРИЦАНИЕ И СПОСОБЫ ЕГО ВЫРАЖЕНИЯ В
ВАХОВСКОМ И ВАСЮГАНСКОМ ДИАЛЕКТАХ
ХАНТЫЙСКОГО ЯЗЫКА, ЦЕНТРАЛЬНЫХ И ЮЖНЫХ
ДИАЛЕКТАХ СЕЛЬКУПСКОГО ЯЗЫКА**

Специальность 10.02.20 – Сравнительно-историческое,
типологическое и сопоставительное языкознание

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Новосибирск – 2017

Работа выполнена на кафедре языков народов Сибири федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Томский государственный педагогический университет»

Научный руководитель: кандидат филологических наук, доцент кафедры языков народов Сибири ФГБОУ ВО «Томский государственный педагогический университет»

Фильченко Андрей Юрьевич

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, доцент, главный научный сотрудник научно-исследовательского отдела хантыйской филологии и фольклористики бюджетного учреждения Ханты-Мансийского автономного округа – Югры «Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок»

Соловар Валентина Николаевна

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Сектора тунгусо-маньчжуроведения ФГБУН Институт филологии Сибирского отделения РАН

Ильина Людмила Алексеевна

Ведущая организация: ФГБОУ ВО «Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова»

Защита состоится «2» октября 2017 г. в 11.00 часов на заседании диссертационного совета Д 003.040.01 при Федеральном государственном бюджетном учреждении науки Институте филологии Сибирского отделения Российской академии наук по адресу: г. Новосибирск, ул. Николаева, д. 8.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института истории Сибирского отделения Российской академии наук по адресу: г. Новосибирск, ул. Николаева, д. 8 и на сайте Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук <http://philology.nsc.ru>.

Автореферат разослан « » августа 2017 г.

Ученый секретарь диссертационного совета,
доктор филологических наук

Н. П. Ойноткина

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Реферлируемое диссертационное исследование посвящено описанию и сопоставительному анализу способов выражения отрицания в ваховском и васюганском диалектах хантыйского языка, центральных и южных диалектах селькупского языка. Селькупский и хантыйский языки относятся к уральской языковой семье и находятся по отношению друг к другу в отдаленном генетическом родстве.

Хантыйский язык, ранее называемый остяцким, наряду с мансийским, относится к обско-угорской подгруппе финно-угорских языков и вместе с мансийским и венгерским языками составляет угорскую подгруппу финно-угорских языков. Зоной расселения хантов являются территории бассейнов притоков Оби и Иртыша, а также самой Оби в нижнем и среднем течениях. В административном отношении территория расселения хантов входит в пределы Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов Тюменской области, а также Александровского и Каргасокского районов Томской области.

Хотя исследователи часто рассматривают хантыйский язык как единую систему, в действительности он состоит из группы диалектов, которые сильно отличаются друг от друга. Изучением диалектной системы хантыйского языка занимались такие ученые, как К.П. Животиков, В. Штейниц, Н.И. Терешкин, Я. Гуйя, П. Хайду, А.Д. Каксин, В.Н. Соловар и др. В нашем исследовании мы будем применять диалектную классификацию Н.И. Терешкина (Терешкин 1967), разделяющего хантыйский язык на две диалектные группы по территориальному и фонетическому признаку: западные *hanti* и восточные *qantəy*. Западные диалекты классифицируются как х-вые, характеризующиеся использованием фонемы *h*, восточные – как к-вые, с характерной фонемой *q*. Благодаря этому признаку западнохантыйские диалекты сближаются с другими угорскими языками и диалектами, а восточнохантыйские – с неугорскими финно-угорскими языками. В область наших интересов входит вах-васюганская группа, где мы будем отдельно выделять ваховский и васюганский диалекты.

Селькупский язык относится к самодийской группе уральской языковой семьи, в которую в настоящее время входят следующие родственные языки: ненецкий, энецкий, нганасанский, селькупский. Ранее селькупы именовались остяко-самоедами, или остяками.

Селькупы расселены на обширной территории Западной Сибири. В основном все население сосредоточено в Томской, Тюменской областях и в Красноярском крае.

Диалектное членение селькупского языка также является предметом научных дискуссий. Можно обнаружить различные диалектные классификации с разной степенью описания и детализации, выделенные такими лингвистами, как Г.Н. Прокофьев, А.П. Дульзон, Т. Янурик, Х. Катц, Е.А. Хелимский, Э.Г. Беккер и др. В нашем исследовании мы будем опираться на классификацию Т. Янурика, дополненную С.В. Глушковым, А.В. Байдак и Н.П. Максимовой (Селькупы 2013), согласно которой селькупский язык подразделяется на три диалектные группы: северную, центральную и южную. В область наших интересов входят центральные и южные диалекты селькупского языка.

Актуальность диссертационного исследования определяется тем, что отрицание, являясь одной из фундаментальных понятийных категорий, свойственных всем языкам мира, представляет собой комплексное, многоаспектное явление, не имеющее до сих пор однозначного толкования. Более того, являясь универсальной понятийной категорией, отрицание характеризуется значительным разнообразием лингвистических средств выражения и спецификой взаимодействия с другими категориями в различных языках мира. В настоящее время наблюдается повышенный интерес лингвистов-типологов к описанию средств выражения отрицания в языках мира. Данная работа посвящена сопоставительному исследованию способов выражения отрицания в малоизученных бесписьменных языках Сибири – хантыйском и селькупском.

В мире существует большое количество еще не изученных, либо слабоизученных языков, численность носителей которых постоянно сокращается. Ваховский и васюганский диалекты хантыйского языка находятся на грани вымирания и относятся к наименее изученным диалектам хантыйского языка, что делает его документацию и описание крайне актуальными. Более того, в западных и восточных диалектах обнаруживаются существенные различия на всех уровнях языка. Центральные и южные диалекты селькупского языка, выступающие объектом нашего сопоставительного исследования, также находятся на грани вымирания. По последним данным, полученным нами в ходе экспедиций, осталось не более двух, в определенной степени «компетентных», носителей данных диалектов

селькупского языка.

Объектом исследования являются все сферы употребления лингвистического отрицания в ваховском и васюганском диалектах хантыйского языка, центральных и южных диалектах селькупского языка. **Предмет исследования** – лексические, морфосинтаксические и синтаксические способы выражения отрицания в ваховском и васюганском диалектах хантыйского языка, центральных и южных диалектах селькупского языка.

Цель исследования заключается в описании и сопоставительном анализе способов выражения отрицания в ваховском и васюганском диалектах хантыйского языка и центральных и южных диалектах селькупского языка в типологической перспективе.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**:

1) изучить формальные средства выражения, функциональные особенности и этимологию стандартного отрицания в изучаемых диалектах хантыйского и селькупского языков;

2) исследовать особенности функционирования и выражения прохибитива в анализируемых диалектах;

3) провести комплексный анализ бытийного отрицания в анализируемых диалектах;

4) рассмотреть формальные средства выражения, функциональные особенности и этимологию отрицательных местоимений и наречий в анализируемых диалектах;

5) проанализировать особенности морфологического отрицания в анализируемых диалектах;

6) изучить особенности функционирования специальных отрицательных вспомогательных модальных глаголов, выражающих имплицитное отрицание в анализируемых диалектах;

7) исследовать формальные и функциональные особенности использования единичного и множественного отрицания в анализируемых диалектах;

8) проанализировать семантические и синтаксические типы отрицания в анализируемых диалектах;

9) провести сопоставительный анализ способов выражения отрицания в анализируемых диалектах.

Эмпирическая база исследования. Материалом для анализа отрицания в представленных языках служат опубликованные материалы по хантыйскому и селькупскому языкам в виде словарей:

Х. Пассонена, К. Доннера, К.Ф. Карьялайнена, Ю.Х. Тойвонена, В. Штайница, И. Эрдеи, Ю. Янхунена, Н.И. Терешкина, С.И. Ирикова, К. Редеи, М.К. Могутаева, Я. Алатало, В.В. Быконя, Е.А. Хелимского, О.А. Казакевич, Е.М. Будянской; монографий, очерков, диссертаций, учебных пособий, разговорников и статей: М.А. Кастрена, Г.Н. Прокофьева, П.К. Животикова, В. Штайница, Т. Лехтисало, Н.И. Терешкина, Я. Гуйи, Е. Вертеш, А.И. Кузьминой, А.И. Кузнецовой, Н.Г. Кузнецовой, Е.А. Хелимского, Е.В. Грушкиной, Л. Хонти, К. Шимона, Я. Пустаи, В.Н. Соловар, М.И. Черемисиной, Э.Г. Беккер, Л.А. Алиткиной, В.В. Быконя, И.А. Ильяшенко, Н.Д. Ермаковой, Е. Шмидт, Н.Б. Кошкаревой, А.Ю. Фильченко. Источниковой базой диссертации послужили архивные материалы Института финно-угорских/уральских исследований Гамбургского университета, собранные с 1962 по 1977 гг. А.И. Кузьминой, языковые материалы полевого архива кафедры языков народов Сибири ТГПУ за 1952-2013 гг., а также полевые материалы диссертанта в виде опросников-элиситаций и текстов, собранных во время этнолингвистических экспедиций в 2012-2013 гг. Каждый том архивных материалов кафедры ЯНС ТГПУ и архива Института финно-угорских/уральских исследований Гамбургского университета имеет объем в среднем от 300 до 700 страниц. В целом было проанализировано по селькупскому языку 102 тома, по хантыйскому – 7 томов, а также были использованы дополнительные архивные материалы, не оформленные в тома.

Теоретической базой исследования являются работы отечественных и зарубежных ученых: по теории отрицания (L. Horn, O. Jespersen, J. Payne, P. Kiparsky, M. Haspelmath, C. Condoravdi, J. Van der Auwera, H. Zeijlstra, M. Devos, W. Croft, T. Payne, M. Miestamo, A. Giannakidou, M. Miestamo, M. Drier, Е.В. Падучева); по типологии отрицания в языках мира (O. Dahl, M. Miestamo, J. van der Auwera, T. Payne, W. Croft, В. Гусев); по отрицанию в уральских языках (L. Honti, В. Wagner-Nagy, L. Van Alsenoy, J. Van der Auwera); по описанию грамматики ваховского и васюганского диалектов хантыйского языка (Н.И. Терешкин, Я. Гуйя, А.Ю. Фильченко), центральных и южных диалектов селькупского языка (Э.Г. Беккер, А.И. Кузьмина, Л.А. Алиткина, В.В. Быконя, И.А. Ильяшенко, Н.Г. Кузнецова).

Научная новизна исследования. Данная диссертация является первым специальным комплексным научным анализом способов

выражения отрицания в ваховском и васюганском диалектах хантыйского языка, центральных и южных диалектах селькупского языка в сопоставительном плане. Предыдущие исследования по проблематике диссертации имеют определенные ограничения в плане репрезентативности данных, методологии, а также строились на иной, соответствующей своему времени, теоретической базе. Наша работа преследует цель, с одной стороны, дополнения уже имеющихся данных новым материалом, с другой стороны, выявления и объяснения некоторых не изученных явлений. Так, впервые проводится полное описание всех стратегий выражения отрицания в исследуемых диалектах хантыйского и селькупского языков, что стало результатом комплексного анализа архивных и собственных экспедиционных языковых данных и изучения имеющейся литературы по теории и типологии отрицания. Впервые рассматривается генезис отрицательных местоимений и наречий, анализируется использование единственного и множественного отрицания, и факторов влияющих на выбор множественного отрицания. Новизна исследования также заключается в том, что впервые проводится комплексный сопоставительный анализ способов выражения отрицания в рассматриваемых диалектах.

Теоретическая и практическая значимость исследования заключается в том, что данная работа вносит вклад в разработку типологии отрицания, и результаты исследования могут быть использованы для описания отрицания в других языках. Данное диссертационное исследование также вносит значимый вклад в документацию этих исчезающих языков и описание их грамматического строя. Практическая значимость исследования заключается в том, что материал диссертационного исследования может быть использован при создании словарей и грамматик по хантыйскому и селькупскому языкам, разработке учебных курсов по теории грамматики, типологии, а также в практическом изучении хантыйского и селькупского языков.

Методы исследования. При системном выявлении общих и особых способов выражения отрицания в изучаемых языках был применен сопоставительный метод. Типологический метод использовался в анализе способов выражения отрицания, путем их сравнения с соответствующими явлениями отрицания в других языках. С помощью исторического метода устанавливались исторические закономерности развития способов выражения

отрицания.

На защиту выносятся следующие положения.

1) Полный перечень стратегий выражения отрицания в исследуемых диалектах хантыйского и селькупского языков включает: стандартное, императивное, бытийное отрицание, отрицание при местоимениях и наречиях, стратегию выражения отрицания при помощи отрицательных модальных глаголов, морфологическое, аналитическое, имплицитное отрицание, стратегию полуотрицания. В описываемых диалектах повсеместно встречаются элементы выражения отрицания, заимствованные из русского языка.

2) Эволюционные этапы формирования отрицательных местоимений и наречий в исследуемых диалектах представляют собой континуум в виде цикла Есперсена.

3) Исследуемые диалекты хантыйского и селькупского языков демонстрируют вариативность в использовании единичного и множественного отрицания: на выбор множественного отрицания влияют такие факторы, как эмфатический статус высказывания, контактное взаимодействие с русским языком и внутрисистемные изменения.

4) Стратегии отрицания в исследуемых диалектах хантыйского и селькупского языков в целом схожи (в том числе: стандартное отрицание, отрицание при императиве, морфологическое отрицание и отрицание при помощи отрицательных вспомогательных модальных глаголов). В то же время примеры бытийного отрицания и отрицания при местоимениях и наречиях демонстрируют довольно сложный характер и выражаются как универсальными, так и уникальными для каждого языка и диалектного ареала способами.

Достоверность исследования. Достоверность полученных в ходе исследования результатов обеспечивается всесторонним анализом широкого круга теоретической литературы по проблематике работы, применением в работе устоявшегося и прошедшего апробацию теоретико-методологического аппарата, а также опорой на результаты имеющихся исследований в области отрицания в хантыйском и селькупском языках. Все обобщения и выводы подтверждаются эмпирическими данными – естественным языковым материалом по соответствующим диалектам.

Апробация результатов исследования. Основные результаты диссертационного исследования были представлены в виде докладов на научных конференциях: «Наука и образование. III Всероссийский

фестиваль науки. XVII Международная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых» (Томск, ТГПУ, 22–26 апреля 2013 г.); «Международная научная конференция, посвященная 200-летию со дня рождения выдающегося финно-угроведа и алтаиста М.А. Кастрена (1813–1852)» (Абакан, ХГУ им. Катанова, 25–28 сентября 2013 г.); «XXVII Международная конференция по лингвистике, антропологии, этнографии и национальному образованию “Дульзоновские чтения”» (Томск, ТГПУ, 28–30 июня 2014 г.); «Системные изменения в языках России» (Санкт-Петербург, ИЛИ РАН, 16–18 октября 2014 г.); «V Международная конференция по самодистике» (Хельсинки, Хельсинкский университет, отделение финно-угорских исследований, 21–23 октября 2014 г.).

Структура диссертации. Диссертация состоит из содержания, введения, двух глав, выводов по главам, заключения, списка сокращений и условных обозначений, списка литературы, списка использованных архивных данных и приложений. Общий объем диссертации составляет 208 страниц. Список использованной литературы включает 149 наименований.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается выбор темы диссертационного исследования, определяются объект и предмет исследования, цель и задачи, описывается эмпирическая и теоретическая база исследования, научная новизна, теоретическая и практическая значимость, указываются методы исследования, формулируются положения, выносимые на защиту, обосновывается достоверность исследования, приводится апробация результатов исследования и структура диссертации. Здесь же обсуждаются вопросы диалектного членения изучаемых языков и их локализация.

Первая глава «Современное состояние исследований лингвистического отрицания» состоит из десяти разделов и посвящена теоретическому осмыслению категории отрицания в языке.

В **первом разделе** обсуждаются различные трактовки и языковые средства выражения отрицания. Так, оно может быть проинтерпретировано как: 1) элемент значения предложения, который указывает на то, что связь, устанавливаемая между компонентами предложения, по мнению говорящего, реально не существует (Пешковский 2001); 2) модальное понятие – отказ от подтверждения

(Балли 1955); 3) семантический примитив (Wierzbicka 1996: 64-67).

Во **втором разделе** рассматриваются сфера действия отрицания и основные виды семантического и синтаксического отрицания. В сферу действия отрицания может входить как вся пропозиция, так и отдельные ее составляющие. С семантической точки зрения различаются общеотрицательные и частноотрицательные предложения, с синтаксической точки зрения – фразовое и присловное отрицание (Падучева 1974).

В **третьем разделе** представлены основные гипотезы возникновения цикла Есперсена в различных языках мира, а также возможные причины и варианты его развития. Цикл Есперсена представляет собой диахронический процесс развития способов выражения отрицания в языках мира. Данный процесс, согласно одной из трактовок, характеризуется усилением стандартного отрицания эмфатическим маркером, который впоследствии может принять на себя функцию отрицания и преобразоваться в отрицательный элемент (Devos 2013). С точки зрения теории во всех языках имеются потенциальные условия для развития данного цикла. В изучаемых нами селькупском и хантыйском языках, как и во многих других уральских языках, не существует давней письменной традиции, а диахронная глубина языковых данных довольно мала. В этой связи опора на теорию и анализ языков, имеющих давнюю письменную традицию, крайне полезна для интерпретации данных бесписьменных языков.

В **четвертом разделе** обсуждается стандартное отрицание – самый распространенный вид лингвистического отрицания, который можно применять к минимальным, базовым предложениям (Raune 1985). В качестве стандартного отрицания в большинстве уральских языков (финно-пермские, северно-самодийские языки) используются отрицательные вспомогательные глаголы, в то время как в угорских и южно-самодийских языках – отрицательные частицы.

В **пятом разделе** анализируется множественное отрицание. Выделяются как минимум 4 класса множественного отрицания: 1) двойное отрицание – два отрицания отменяют друг друга, давая в результате утверждение; 2) ослабляющее отрицание – один отрицательный элемент ослабляет отрицание другого отрицательного элемента, в результате получается нечто промежуточное между отрицанием и утверждением; 3) отрицательное согласование – двойное или множественное отрицание в результате не дает

утверждения, а выражает одно семантическое отрицание; 4) эмфатическое отрицание – один отрицательный элемент усиливает другой отрицательный элемент (Zeijlstra 2004). Множественное отрицание может развиваться из единичного, и, наоборот, – единичное из множественного. В уральских языках двойное отрицание, выражающее единое семантическое отрицание, образуется из единичного. Для усиления отрицания используется дополнительный эмфатический элемент, который впоследствии реанализируется в элемент, выражающий отрицание (Honti 1997). Принимая во внимание данный факт, можно ожидать реанализ некоторых элементов, усиливающих отрицание в хантыйском и селькупском языках в элементы отрицания.

В **шестом разделе** рассматриваются различные виды и типология отрицательных местоимений. Вопросы образования и функционирования отрицательных наречий исследованы в теории значительно слабее, чем вопросы образования и функционирования отрицательных местоимений. Согласно одной из трактовок под неопределенными отрицательными местоимениями понимаются именные или наречные выражения, которые напрямую переводятся как *никто*, *ничто*, *нигде*, *никогда* и т. д., независимо от того, согласуются ли они с предикативным отрицанием (Haspelmath 2013). Отрицательные местоимения могут быть образованы в результате цикла Есперсена или отрицательного поглощения (*negative absorption*) – маркер отрицания поглощается неопределенным местоимением (Haspelmath 1997). Для выражения отрицания также могут быть использованы местоимения и наречия отрицательной полярности.

Седьмой раздел посвящен различным подходам к анализу прохибитива (отрицание при императиве), возможным его определениям, эволюции и типологическим представлениям. Прохибитив является наиболее распространенным семантическим подтипом императива (Гусев 2013). Согласно Б. Вагнер-Надь¹, в уральских языках прохибитив (1, 2, 3-го л., ед., дв., мн. ч., где это приемлемо) может выражаться разными способами (Wagner-Nagy 2011).

---

¹ Б. Вагнер-Надь использует в своем исследовании типологию прохибитива Й. Ван дер Ауверы, Л. Лежона, В. Гусева (прохибитивы 2-го л. ед., дв., мн.) (Van der Auwera et al. 2013), однако она не ограничивается только прохибитивами 2-го л. ед. ч. и анализирует полную парадигму императива в данных языках.

1. Для выражения прохибитива используется глагольная конструкция 2-го л. ед. ч. императива и такая же стратегия отрицания, как для повествовательного предложения (в изъявительном наклонении). К данному типу относится только нганасанский язык.

2. Для выражения прохибитива используется глагольная конструкция 2-го л. ед. ч. императива, и стратегия отрицания отличается от отрицания повествовательного предложения (в изъявительном наклонении). Ко второму типу принадлежат эстонский, финский, ливонский, карельский, вепский, водский, ижорский, саамский, марийский, эрзя, хантыйский, мансийский, венгерский, энецкий, селькупский и камасинский языки. Данный тип является наиболее распространенным в уральской языковой семье.

3. Для выражения прохибитива используется глагольная конструкция, отличающаяся от 2-го л. ед. ч. императива, и такая же стратегия отрицания, как для повествовательного предложения (в изъявительном наклонении). К третьему типу принадлежат коми и хантыйский языки.

4. Для выражения прохибитива используется глагольная конструкция, отличающаяся от 2-го л. ед. ч. императива, и стратегия отрицания отличается от отрицания повествовательного предложения (в изъявительном наклонении). К четвертому типу – саамский, удмуртский, коми и ненецкий языки.

В восьмом разделе анализируется бытийное отрицание. Основным типовым значением экзистенциональных (бытийных) конструкций является указание на существование в мире вообще или наличие объекта речи в определенный момент времени и в определенном месте (Теория функциональной грамматики 1996). В рамках данной работы мы считаем приемлемым подход, при котором экзистенциональные, посессивные и локативные конструкции относятся к одному типу, который называется бытийными конструкциями, характеризующимися единой стратегией с использованием копулы для утверждения и специального отрицательного бытийного предиката для отрицания.

В уральских языках бытийное отрицание выражается следующими способами: 1) в маторском, камасинском и нганасанском используется специальный отрицательный бытийный глагол, имеющий полную парадигму; 2) в энецком и ненецком языках имеется отрицательный бытийный глагол, однако его использование ограничено (отрицание утвердительного бытийного предиката может

происходить при помощи маркера отрицания. Обско-угорские языки также относятся к этому типу); 3) в селькупском языке отрицательный бытийный предикат проникает в сферу стандартного отрицания (Wagner-Nagy 2011)².

Девятый раздел посвящен анализу взаимосвязи модальности, наклонения и отрицания. Наклонение и модальность тесно связаны друг с другом, так как наклонение является грамматическим средством выражения модальных значений. Отрицание не является ни наклонением, ни модальностью, однако оно выражает модальные значения в тех случаях, в которых представляет собой отказ от подтверждения. В уральских языках связь отрицания и модальности проявляется в наличии специальных отрицательных вспомогательных модальных глаголов (Honti 1997).

В **десятом разделе** отрицание рассматривается в аспекте симметрии и асимметрии конструкций и парадигмы (Miestamo 2006). Отрицательные конструкции, проявляющие симметрию, менее сложны, чем конструкции, демонстрирующие асимметрию.

Вторая глава «Способы выражения отрицания в ваховском и васюганском диалектах хантыйского языка, центральных и южных диалектах селькупского языка» состоит из восьми разделов. Данная глава посвящена комплексному анализу и описанию разных видов отрицания в исследуемых языках. Все основные стратегии отрицания проанализированы в типологическом плане и рассмотрены в аспекте морфосинтаксической симметрии/асимметрии. Произведено сопоставление стратегий выражения отрицания как между ваховским и васюганским диалектами хантыйского языка, с одной стороны, и центральными и южными диалектами селькупского языка – с другой, так и, по возможности, с другими диалектами хантыйского и селькупского языков.

В **первом разделе** второй главы рассматривается стандартное отрицание. В восточных диалектах хантыйского языка, в частности в ваховском и васюганском, используется стандартная частица отрицания *antə*, в западных диалектах *ant* или *an/at*. В селькупском языке используется стандартная частица отрицания *aśa*, представленная в виде алломорфов в центральных диалектах: 1) тымский и нарымский диалекты *a*·; *a*; 2) васюганский диалект *aħa*, *aua*; в южных диалектах: 1) среднеобской и кетский *assi*, *asi*, *assa*, *asa*,

---

² Исследование основывается на типологии бытийного отрицания, предложенной У. Крофтом (Croft 1991).

azi, aza, az, as, отдельно кетский *a:*; 2) сондровские говоры *ass, asa, az, jas, jes, jäs, jaz*; в северных диалектах: *aşşa, aş*. В некоторых центральных и южных диалектах селькупского языка отмечается редкое использование застывшей формы отрицательного бытийного глагола *čaŋgu-* ‘отсутствовать’ в 3-м л. ед. ч. в качестве отрицательной частицы.

01 Вост.Хант.Вас. (KhNeg³ № 102; стр. 14).

goltəŋ əntə ətʃkəy jə-wəl.

завтра NEG холод становиться-PRS.3SG
‘Завтра не похолодает’.

02 Центр.Сельк.Нарым. (C⁴ 65; стр. 101).

tab maʃim a: kost-a.

3SG 1SG.ACC NEG узнать-3SG.sub
‘Он меня не узнал’.

Этимология хантыйских и селькупских отрицательных частиц восходит к уральскому отрицательному глаголу *e ~ ä*. В качестве альтернативной точки зрения упоминается возможность заимствования некоего отрицательного элемента из эвенского языка, давшего основу для данной селькупской отрицательной частицы.

Все типы стандартного отрицания в ваховском и васюганском диалектах хантыйского языка, южных и центральных диалектах селькупского языка демонстрируют полную симметрию с их утвердительными эквивалентами, так как в отрицательных конструкциях не наблюдается каких-либо структурных различий при сравнении с соответствующими утвердительными конструкциями, за исключением присутствия маркера отрицания.

Стандартное отрицание в хантыйском и селькупском языках в целом осуществляется в рамках общей стратегии.

Второй раздел посвящен отрицанию при императиве. В ваховском и васюганском диалектах хантыйского языка, центральных и южных диалектах селькупского языка наблюдается использование прохибитива и императива 2-го и 3-го л. В васюганском диалекте хантыйского языка дополнительно наблюдается употребление прохибитива и императива 1-го л. В хантыйском языке форма частицы прохибитива варьируется в разных диалектах – *at, ät* или *at*. В ваховском и васюганском

³ Здесь и далее KhNeg: Опросник «Отрицание», записан – август 2012, июль 2013; село Новый Васюган, С.В. Ковылин. Архив ЯНС ТГПУ.

⁴ Здесь и далее С – том из архива кафедры языков народов Сибири ТГПУ (Томск).

диалектах хантыйского языка при отрицании в императиве используется специальная частица отрицания *äl*. Отрицание при императиве 2-го л. в ваховском, васюганском и северных диалектах хантыйского языка происходит по одинаковой стратегии, при императиве 3-го л. – по отличным стратегиям.

03 Вост.Хант.Вас. (KhNeg № 007; стр. 29).

äl *nürüyt-itəy.*
NEG.IMP бежать-IMP.2PL

‘Вы не бегите’.

04 Центр.Сельк.Вас. (С 61; стр. 143).

tü:-m *igi* *fedi-ad!*
огонь-ACC NEG.IMP плевать-IMP.2PL

‘В огонь не плюйте!’

В селькупском языке стратегии использования прохибитива и императива 2-го и 3-го л. проявляют сходство во всех диалектах (исключая оптативные формы). При отрицании императива и оптатива используется специальный маркер отрицания *iki/iki*. Также, вероятно, под контактным влиянием русского языка отмечается использование отрицательной частицы прохибитива с глаголом в форме инфинитива.

Используя типологию прохибитива Й. Ван дер Ауверы, Л. Лежона, В. Гусева (прохибитивы 2-го л. ед., дв., мн.) (Van der Auwera et al. 2013) и включая в нее полную парадигму прохибитива (1, 2, 3-го л., ед., дв., мн. ч), как селькупский, так и хантыйский язык можно отнести ко 2-й группе: в прохибитиве используется глагольная конструкция 2-го л. императива, и стратегия отрицания отличается от отрицания повествовательного предложения в изъявительном наклонении.

В ваховском и васюганском диалектах хантыйского языка, центральных и южных диалектах селькупского языка использование прохибитива 2-го и 3-го л. демонстрирует симметрию при сравнении с императивом, не наблюдается каких-либо изменений, кроме присутствия маркера прохибитива. Стратегии отрицания при индикативе и императиве в рассматриваемых диалектах обоих языков для 2-го и 3-го л. асимметричны. Используются разные отрицательные частицы, а также различные суффиксы при глаголе в индикативе и императиве.

Отрицание при императиве в ваховском и васюганском диалектах хантыйского языка, центральных и южных диалектах селькупского языка осуществляется по одной стратегии.

В третьем разделе анализируется бытийное отрицание. В обсуждаемых диалектах селькупского и хантыйского языков наблюдается использование бытийных глаголов при утверждении и отрицательных бытийных глаголов и предикатов при отрицании. Согласно основным стратегиям отрицания в рассматриваемых диалектах обоих языков в бытийных конструкциях наблюдается асимметрия при утверждении и отрицании в настоящем времени.

В ваховском и васюганском диалектах хантыйского языка в утвердительных конструкциях используется копула, проявляющая себя как финитный глагол со значением ‘быть’, в отрицательных конструкциях – отрицательный бытийный предикат *əntim*, который в большинстве случаев не согласуется с подлежащим, однако, иногда может принимать предикативный суффикс единственного числа *-äki* и суффикс множественного числа *-ätə*.

05 Вост.Хант.Вас. (KhNeg № 014; стр. 2).

<i>mä-nə</i>	<i>əntim</i>	<i>ämp.</i>
1SG-LOC	NEG.EX	собака

‘У меня нет собаки’.

В центральных и южных диалектах селькупского языка в утвердительных предложениях используется копула, проявляющая себя как обычный финитный глагол, в отрицательных – отрицательный бытийный глагол *śāŋku-*.

06 Юж.Сельк.Ср-об. (С 58; стр. 314).

<i>ta-nan</i>	<i>a:md-la-l</i>	<i>ʋang-w-adit.</i>
2SG-LOC2	rog-PL-POSS.1SG	отсутствовать-PRS-3PL

‘У тебя рогов нет’.

В ваховском и васюганском диалектах хантыйского языка для отрицания в прошедшем времени используется специальная аналитическая конструкция, состоящая из отрицательного бытийного предиката *əntim* и вспомогательного глагола, несущего на себе основные глагольные суффиксы *wəl-* ‘быть’ или *jə-* ‘становиться’. Бытийное отрицание в настоящем времени является асимметричным прошедшему. Бытийное отрицание в прошедшем времени также асимметрично утвердительным бытийным конструкциям в прошедшем времени.

07 Вост.Хант.Вас. (KhNeg № 038; стр. 5).

<i>äm-nə</i>	<i>əntim</i>	<i>wəl-qas</i>	<i>ləy.</i>
собака-LOC	NEG.EX	быть-PST3.3SG	кость

‘У собаки не было кости’.

В центральных и южных диалектах селькупского языка для отрицания в настоящем и прошедшем времени используются одинаковые отрицательные бытийные глаголы, маркированные разными временными суффиксами. Стратегия бытийного отрицания в настоящем времени симметрична стратегии отрицания и прошедшем времени.

08 Центр.Сельк.Тым. (С 56; стр. 183).

nagər ʔel ʔelə-t ʔaŋ-s-a.
три день солнце-POSS.3SG отсутствовать-PST-3SG.sub
'Три дня солнце отсутствовало'.

При отрицании бытийных конструкций с альтернативным вопросом в обоих языках используются преимущественно отрицательные бытийные предикаты. Появление стандартной частицы отрицания с утвердительным бытийным предикатом является довольно редким явлением в обоих языках.

Следуя типологии бытийных конструкций У. Крофта (Croft 1991), мы пришли к выводу, что на основе использования в них отрицания ваховский, васюганский диалекты хантыйского языка, центральные и южные диалекты селькупского языка можно отнести к группе В (стратегии бытийного и стандартного отрицания различаются). Однако в обоих языках встречаются редкие примеры использования конструкций с маркером стандартного отрицания и глагола-копулы в экзистенциональных конструкциях – типологическая группа А. Также в некоторых южных диалектах селькупского языка в редких случаях наблюдается типологическая группа С (бытийное отрицание (находясь в 3-м л. ед. ч. *śāŋku-* 'отсутствовать') совпадает с маркером, используемым для отрицания глагольных предикатов).

Отрицательный бытийный предикат сельк. *śāŋku-* 'отсутствовать' в одном случае в форме 3-го л. ед. ч., грамматикализовался в отрицательную частицу, в другом случае, преимущественно в форме 3-го л. ед. ч. перестал согласовываться с субъектом в лице и числе.

При интенсивном контактном взаимодействии в селькупский язык проникают элементы русского языка на всех языковых уровнях. Одним из таких элементов является русский отрицательный бытийный предикат *нету*. В результате в нарымском и среднеобском диалектах селькупского языка наблюдается использование отрицательного бытийного глагола *n'etu-* 'отсутствовать', который принял парадигму селькупского глагола, а также способность принимать некоторые деривационные и модальные суффиксы. В ряде

случаев данный глагол сузил свою парадигму, выраженную в отсутствии согласования глагольных суффиксов с субъектом действия. В данных диалектах также отмечается использование отрицательного бытийного предиката *n'etu* 'нету', который, будучи заимствованным, не подвергся каким-либо изменениям со стороны селькупского языка.

09 Юж.Сельк.Ср-об. (Т⁵ 10; стр. 65).

nild'i kut'än-nin nie:tu-ku-mb-a.

такая где-NPI отсутствовать-НАВ-PSTN-3SG.sub
'Такой нигде не было'.

10 Центр.Сельк.Нарым. (С 42; стр. 141).

qaj-Rän-naj qaj-naj n'etu.

что-LOC1-NPI что-NPI нету
'Нигде ничего нет'.

Четвертый раздел посвящен отрицанию при местоимениях и наречиях. В ваховском и васюганском диалектах хантыйского языка при отрицании местоимений и наречий используются следующие стратегии: 1) отрицание путем использования базовой (утвердительной) формы местоимения или наречия в конструкции с маркером отрицания (периферийная стратегия), например, хант. *qoji* + *NEG* 'никто'; 2) отрицание путем присоединения к базовой (утвердительной) форме местоимения или наречия клитики / единицы отрицательной полярности в конструкции с маркером отрицания (основная стратегия), например, хант. *qoji-pə(NPI)* + *NEG* 'никто'. Процесс развития отрицания при местоимениях и наречиях происходит в данных диалектах в рамках цикла Есперсена.

11 Вост.Хант.Вах. (Терешкин 1981: 276).

mä mätä köl äntä at-qas-ät.

1SG какой слово NEG сказать-PST3-1SG

'Я не сказал ни слова'.

12 Вост.Хант.Вас. (KhNeg № 9; стр. 77).

qo-p äntim jomántfəy.

где-NPI NEG.EX ягода

'Нигде нет ягоды'.

В центральных диалектах селькупского языка отмечается использование местоимений и наречий отрицательной полярности, например *kuti-naj(NPI)* + *NEG* 'никто', сопровождающихся маркерами

---

⁵ Здесь и далее Т – том из архива А.И. Кузьминой, Гамбургский университет.

отрицания, а также присутствие самостоятельных отрицательных местоимений и наречий *kuti-naj(NEG) + (NEG)* ‘никто’.

13 Центр.Сельк.Вас. (С 61; стр. 174).

tab qai-m-naj aya kadi-ku-d.

3SG что-ACC-NPI NEG сказать-HAB-3SG.ob

‘Она ничего не говорит’.

14 Центр.Сельк.Вас. (С 61; стр. 8).

tau mat kudi-n-naj?

этот дом чей-GEN-NEG

‘Этот дом ничей?’

В южных диалектах селькупского языка также имеются примеры, подтверждающие существование местоимений и наречий отрицательной полярности, сопровождающихся дополнительным маркером отрицания, например *kuti-naj(NPI) + NEG* ‘никто’, и примеры, демонстрирующие сформированность самостоятельных отрицательных местоимений и наречий, например *kuti-naj-NEG + (NEG)* ‘никто’. Процесс развития отрицания при местоимениях и наречиях происходит в данных диалектах в рамках цикла Есперсена.

15 Юж.Сельк.Ср-об. (Т 10; стр. 150).

mat tind-akto ku-naj aza qwan-dz-a.

1SG здесь-ABL2 куда-NPI NEG пойти-FUT-3SG.sub

‘Я отсюда никуда не пойду’.

16 Юж.Сельк.Кет. (С 65; стр. 195).

kudi-nni-n-assi matta-m ikki nü-kke!

кто-LAT2-NPI-NEG дверь-ACC NEG.IMP открыть-

IMP.2SG.sub

‘Никому дверь не открывай!’

Также в центральных и южных диалектах селькупского языка зафиксированы нечастотные примеры образования отрицательных местоимений и наречий предикативов при помощи префиксальных/препозитивных отрицательных частиц *n'i-/n'ie-* ‘NEG’, например *n'ie-kuti'ta* ‘некуда’.

В ваховском и васюганском диалектах хантыйского языка стандартные несамостоятельные отрицательные местоимения и наречия демонстрируют асимметрию по отношению к утвердительным *qoji* ‘кто’/*qoji-pə(NPI) + NEG* ‘никто’. И лишь в редких случаях, когда отрицание местоимений и наречий происходит путем добавления лишь маркера отрицания, наблюдается симметрия *qoji* ‘кто’/*qoji + NEG* ‘никто’.

Согласно первой стратегии отрицания в центральных диалектах селькупского языка наблюдается симметрия отрицательных местоимений и наречий по отношению к их утвердительным эквивалентам *kuti* ‘кто’/*kuti-naj(NEG)* + *(NEG)* ‘никто’. Согласно второй стратегии отрицания в южных и центральных диалектах селькупского языка – асимметрия *kuti* ‘кто’/*kuti-naj(NPI)* + *NEG* ‘никто’. Согласно третьей стратегии отрицания в южных и центральных диалектах – асимметрия *kuti* ‘кто’/*kuti-naj(NPI)-NEG* + *(NEG)* ‘никто’.

Отдельно для селькупского языка была произведена попытка восстановления этимологии селькупского эмфатического маркера **nej*, состоящего из местоименной основы **ne* и эмфатического/прагматического элемента **aj* – **nej* < **ne* + **aj*.

В **пятом разделе** рассматривается морфологическое отрицание. В рассматриваемых диалектах каждого из языков присутствует морфологическое отрицание. В ваховском и васюганском диалектах хантыйского языка таким показателем является суффикс *-ləγ/-ləγ*. В центральных и южных диалектах селькупского языка такими показателями являются *-galik/-galiŋ* и *-gidi(l)*. Также в центральных и южных диалектах селькупского языка существительные, осложненные суффиксом *-galik/-galiŋ*, могут вербализовываться. Морфологическое отрицание в исследуемых диалектах хантыйского и селькупского языков в целом осуществляется по одной стратегии.

17 Вост.Хант.Вах. (Gulya 1966: 76).

män-ləγ   *wer-wəl*.

1SG-ABESS   сделать-PRS.3SG

‘Без меня работает’.

18 Центр.Сельк.Нарым. (С 65; стр. 102).

mat-kalk   *koşkal-k*   *elli-mb-aR*.

1SG-CAR   плохой-ADVz   жить-PSTN-3DU.sub

‘Без меня плохо жили (они двое)’.

19 Центр.Сельк.Вас. (С 61; стр. 266).

<i>niate-Rit</i>	<i>wiri-l</i>	<i>haj-gidil</i>	<i>ära</i> .
туда-LOC1	разбойник-ADJz	глаз-CAR.ADJz	старик

‘Там злой одноглазый старик’.

В **шестом разделе** анализируются отрицательные вспомогательные модальные глаголы. В ваховском и васюганском диалектах хантыйского языка используется специальный вспомогательный отрицательный глагол *koř-/küř-* ‘не смочь/быть не

способным', в центральных и южных диалектах селькупского языка – *ta'cal-* 'не мочь/быть не способным'.

20 Вост.Хант.Вас. (KhNeg № 8; стр. 83).

nəŋ kúr-t'-ətəy wájəy lök kás-tä.
2PL не.мочь-DER-2PL зверь след искать-INF
'Вы не можете найти след зверя'.

21 Центр.Сельк.Вас. (С 61; стр. 237).

mener-tiļ qur mad'io-yit aste-p,
охотиться-PRS.PTCP человек лес-LOC1 олень-ACC
peqqa-p kwat-ku čedzal-gu-k.
лось-ACC добыть-INF не.мочь-HAB-3SG.sub
'Охотник в лесу оленя, лося добыть не может'.

Функцию отрицательного вспомогательного глагола также могут выполнять соответствующие утвердительные модальные глаголы путем предшествования им стандартного маркера отрицания: *вах.*, *вас.* хант. *onəl-* 'знать/уметь/мочь' (NEG + *onəl-*) и центр., юж. сельк. *t'inəmə-* 'знать/уметь/мочь' (NEG + *t'inəmə-*).

В центральных и южных диалектах селькупского языка можно выделить случаи использования бытийного глагола в качестве вспомогательного с предшествующей ему стандартной частицей отрицания – *e:-* 'быть/мочь' (NEG + *e:-*). Данный глагол может передавать модальное значение физической возможности выполнения действия, зависящей от условий, связанных с волей или состоянием человека.

Подводя итоги, необходимо отметить, что имплицитное отрицание в ваховском и васюганском диалектах происходит по модели V-INF + NEG.AUX/NEG.AUX + V-INF; в центральных и южных диалектах селькупского языка только по модели V-INF + NEG.AUX (где V-INF – глагол в инфинитиве; NEG.AUX – отр. вспомог. гл.).

В **седьмом разделе** обсуждается множественное отрицание. В рассматриваемых диалектах селькупского и хантыйского языков наблюдается как единичное, так и множественное отрицание.

В ваховском и васюганском диалектах хантыйского языка единичное отрицание – типичная стратегия. В центральных и южных диалектах селькупского языка типичным является как единичное, так и множественное отрицание (наблюдается отрицательное согласование). При экспрессивном отрицании в хантыйском и в селькупском языках используется единичное и множественное

отрицание. На данный момент не представляется возможным с уверенностью утверждать, является ли множественное отрицание в экспрессивных целях этапом внутреннего развития системы или результатом контактного влияния со стороны русского языка. Однако следует отметить, что в эмфатических целях в обоих языках возможно множественное отрицание с использованием заимствованных из русского языка отрицательных частиц.

22 Вост.Хант.Вас. (Фильченко 2013: 84).

a temi ni möytäk, ni pəʃi, ni aʎərnəŋ,
 а DET ни елец ни окунь ни язь
ni sart əntəm wəl-qal.
 ни щука NEG.EX быть-PT1.3SG

‘А там не было ни ельца, ни окуня, ни язя, ни щуки’.

23 Центр.Сельк.Нарым. (С 13; стр. 105–107).

nač'a-ʎəndo n'ie qwar'ie, n'i qa:za ti: a:
 там-ABL1 ни ворона ни сорока сюда NEG
tö:-l-ad-e.

прийти-OPT-3SG.ob-PTCL

(Иван Царевич сюда пришел,) откуда ни сорока, ни ворона... сюда не придет.

Восьмой раздел посвящен семантическим и синтаксическим типам отрицания. С семантической точки зрения мы проанализировали общее и частное отрицание. Общее отрицание, помимо эксплицитного выражения, может быть выражено имплицитно – предложение надо понимать в значении, противоположном тому, которое передается буквальным смыслом слов. Также имплицитное отрицание всего предложения может заключаться в лексемах, дающих полуотрицание: ваховский и васюганский диалекты хантыйского языка – *kätf* ‘почти’, *potʃi* ‘почти’ (заимствование из русского); центральные и южные диалекты селькупского языка – *qer* ‘едва, почти, чуть не’.

24 Вост.Хант.Вас. (Фильченко 2013: 83).

mä-n kätf qaʎrəmta-ʎal.
 1SG-ACC почти поймать-PT1.3SG

‘Он(а) чуть не поймал(а) меня’. = ‘Он(а) не поймал(а) меня’.

25 Центр.Сельк.Обск.гов.Чум. (Быконя 2005: 109).

mat qer al'č'ak.
 1SG почти упасть-1SG.sub

‘Я чуть не упал’. = ‘Я не упал’.

С синтаксической точки зрения были рассмотрены фразовое отрицание при финитном глаголе и присловное отрицание, несущее главное отрицание не при глаголе.

В заключении содержатся основные выводы, обобщающие результаты диссертационного исследования.

Лингвистическое отрицание на материале анализируемых диалектов хантыйского и селькупского языков может выражаться с помощью: 1) отрицательных частиц: хант. *əntə*, сельк. *a:*, *ja*, *aʏa*, *aza*, *asa*, *jas*; 2) показателей прохибитива: хант. *äl* + глагол в императиве, сельк. *iki/iki* + глагол в императиве; 3) отрицательных бытийных глаголов и предикатов: хант. *əntim* ‘отсутствовать’, сельк. *čāŋku-* ‘отсутствовать’, *n'etu-* ‘отсутствовать’ и *n'etu* ‘нету’; 4) несамостоятельных и самостоятельных отрицательных местоимений и наречий: хант. *qoji-pə(NPI)* + *NEG* ‘никто’, *qoji* + *NEG* ‘никто’, сельк. *kuti-naj(NEG)* + *(NEG)* ‘никто’, *kuti-naj(NPI)* + *NEG* ‘никто’, *kuti-naj(NPI)-NEG* + *(NEG)* ‘никто’; 5) отрицательных модальных глаголов: хант. *koř-/kür-* ‘не смочь/быть не способным’, сельк. *tačal-* ‘не мочь/быть не способным’; 6) лексем, выражающих полуотрицание: хант. *kätf* ‘почти’, сельк. *qer* ‘едва, почти, чуть не’; 7) морфологических средств: суффиксов абессива/каритива хант. *-ləʏ/-ləʏ*, сельк. *-galik/-galin* и *-gidi(l)*; 8) аналитических средств: отрицательных частиц (стандартная, прохибитива), отрицательных местоимений и наречий, отрицательных модальных глаголов, лексем, выражающих полуотрицание; 9) различных средств выражения имплицитного отрицания: высказывание может иметь вопросительный или иной характер, но подразумеваться как отрицательное. Повсеместно встречаются элементы выражения отрицания, заимствованные из русского языка, или явления, возникшие под контактным влиянием русского языка – отрицательные частицы, предикаты / глаголы, местоимения и наречия-предикативы, обретение местоимениями и наречиями отрицательной полярности отрицательного значения.

Сопоставительный анализ показал, что в целом основные способы выражения отрицания в исследуемых диалектах селькупского и хантыйского языков схожи. Различия проявляются в выражении бытийного отрицания и отрицания при местоимениях и наречиях. При выражении бытийного отрицания в хантыйском языке используется отрицательный бытийный предикат (не являющийся глаголом) *əntim* ‘отсутствовать’, в селькупском языке отрицательный бытийный

глагол *śāŋki*- ‘отсутствовать’. Отрицание в прошедшем времени в хантыйском языке является аналитическим (используются вспомогательные глаголы), в селькупском языке – синтетическим. Дополнительно в нарымском диалекте селькупского языка используется отрицательный бытийный глагол *n'etu*- ‘отсутствовать’ и предикат *n'etu* ‘нету’. Отрицание при местоимениях и наречиях в хантыйском языке может происходить при помощи вопросительного или неопределенного местоимения или наречия, сопровождающегося предикативным отрицанием *qoji* + *NEG* ‘никто’. В селькупском языке зафиксировано употребление самостоятельных отрицательных местоимений и наречий, как правило, сопровождающихся предикативным отрицанием сельк. *kuti-naj(NEG)* + *(NEG)*, ‘никто’ *kuti-naj(NPI)-NEG* + *(NEG)* ‘никто’. В остальном проявляется схожесть. Три этапа формирования отрицательных местоимений и наречий в исследуемых диалектах хантыйского и селькупского языков в рамках цикла Есперсена представлены в таблице 1.

Таблица 1

Эволюция отрицательных местоимений и наречий в ваховском и васюганском диалектах хантыйского языка, центральных и южных диалектах селькупского языка

Эволюционные изменения	А Неотрицательное местоимение/ наречие + предикативное отрицание →	Б Местоимение/ наречие отрицательной полярности + предикативное отрицание →	В Отрицательное местоимение/ наречие + предикативное отрицание (в эллипсе употребляется без предикативного отрицания)
Хантыйский	<i>qoji</i> + <i>NEG</i> ‘никто’	<i>qoji-pə(NPI)</i> + <i>NEG</i> ‘никто’	Не зафиксировано
Селькупский	Не зафиксировано	<i>kuti-naj(NPI)</i> + <i>NEG</i> ‘никто’	1) <i>kuti-naj(NEG)</i> + <i>(NEG)</i> ‘никто’ 2) <i>kuti-naj(NPI)-NEG</i> + <i>(NEG)</i> ‘никто’

В процессе анализа удалось выяснить, что в селькупском и

хантыйском языках единичное отрицание является прототипичным. Однако в некоторых диалектах селькупского языка множественное отрицание также стало прототипичным. В экспрессивном контексте в обоих языках возможно как единичное, так и множественное отрицание.

Основные положения диссертации изложены в следующих публикациях:

Статьи, опубликованные в ведущих рецензируемых научных журналах и изданиях, рекомендованных ВАК РФ

1) Ковылин, С.В. Бытийное отрицание в восточнохантыйском и центрально-селькупском диалектах // Вестник Томского государственного педагогического университета (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2013. Вып. 3 (131). С. 99–105.

2) Ковылин, С.В. К проблеме множественного отрицания в восточных диалектах хантыйского и южных диалектах селькупского языка // Вестник Томского государственного педагогического университета (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2014. Вып. 10 (151). С. 106–113.

3) Ковылин, С.В. Об отрицании при местоимениях и наречиях в центральных диалектах селькупского языка // Вестник Томского государственного педагогического университета (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2015. Вып. 4 (157). С. 36–42.

4) Ковылин, С.В. Отрицательные бытийные предикаты *n̄etu* ‘отсутствовать’ и *n̄etu* ‘нету’ в центральных и южных диалектах селькупского языка // Сибирский филологический журнал. 2016. Вып. 4. С. 255–264.

Публикации в других научных изданиях

5) Ковылин, С.В. Двойное отрицание в языках мира // Наука и образование. II Всероссийский фестиваль науки: XVI Международная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых, посвященная 110-летию ТГПУ (23–27 апреля). Т. II: Филология. Ч. 2: Актуальные проблемы современной лингвистики. – Томск: Изд-во ТГПУ, 2012. С. 287–292.

6) Ковылин, С.В. Прохибитив в селькупском и хантыйском языках // Наука и образование. III Всероссийский фестиваль науки. XVII Международная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых (22–26 апреля 2013 г.). Т. II: Филология. Ч. 2: Актуальные проблемы лингвистики и методики преподавания иностранных языков. – Томск: Изд-во ТГПУ, 2013. С. 176–181.

7) Ковылин, С.В. Отрицательные местоимения в селькупском и хантыйском языках // Уральские и алтайские языки и народы: сопоставительно-типологический взгляд: материалы Международной научной конференции, посвященной 200-летию со дня рождения

выдающегося финно-угроведа и алтаиста М.А. Кастрена (1813–1852) (Абакан, 25–28 сентября 2013 г.) / отв. ред. А.Д. Каксин. – Абакан: Изд-во ХГУ им. Н.Ф. Катанова, 2013. С. 100–105.

8) Ковылин, С.В. К вопросу об отрицании при вопросительных и неопределенных местоимениях и наречиях в ваховском и васюганском диалектах хантыйского языка // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований (Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology). 2014. Вып. 2 (4). С. 17–28.

9) Ковылин, С.В. К проблеме реконструкции эмфатического элемента / элемента отрицательной полярности / отрицательного элемента *-naj* в центральных и южных диалектах селькупского языка // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований (Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology). 2015. Вып. 2 (8). С. 49–54.

10) Kovylin, S. Negative Pronouns and Adverbs in the Central and Southern Dialects of Selkup // Finnisch-Ugrische Mitteilungen. 2016. 40. S. 47–71.

Список сокращений и условных обозначений

Вост.Хант.Вас. – восточные ханты, васюганский диалект; Вост.Хант.Вах. – восточные ханты, ваховский диалект; Центр.Сельк.Вас. – центральные селькупы, васюганский диалект; Центр.Сельк.Нарым. – центральные селькупы, нарымский диалект; Центр.Сельк.Тым. – центральные селькупы, тымский диалект; Юж.Сельк.Кет. – южные селькупы, кетский диалект; Юж.Сельк.Ср-об. – южные селькупы, среднеобской диалект; Центр.Сельк.Обск.гов.Чум. – южные селькупы, обские говоры чумылькупов (по: Быконя В.В., 2005); 1 – 1-е лицо; 2 – 2-е лицо; 3 – 3-е лицо; ABESS – абессив; ABL2 – аблатив; ACC – аккузатив; ADJz – аджективайзер; ADVz – адвербаллизатор; CAR – каритив; DER – деривация; DET – детерминант; DU – двойственное число; FUT – будущее время; GEN – генитив; HAB – хабитуальность; IMP – императив; INF – инфинитив; LAT2 – латив (для одушевленных предметов); LOC – локатив; LOC1 – локатив (для неодушевленных предметов); LOC2 – локатив (для одушевленных предметов); NEG – отрицание; NEG_{EX} – отрицательный бытийный предикат; NPI – единица отрицательной полярности; ob – объектное спряжение; PL – множественное число; POSS – посессивность; PRS – настоящее время (в ваховском и васюганском диалектах хантыйского языка настоящее-будущее время); PRS.PTCP – причастие настоящего времени; PST – прошедшее время; PST1 – давно прошедшее, неопределенное; PST3 – недавно прошедшее, неопределенное; PSTN – прошедшее повествовательное; SG – единственное число; sub – субъектное спряжение.